

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Вилесовой Марины Леонидовны «СЕМАНТИКА ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Представленная к защите кандидатская диссертация Вилесовой Марины Леонидовны посвящена одной из **актуальных проблем** современного литературоведения – исследованию художественных феноменов, парадигматически связанных с вопросами художественной антропологии и герменевтики русской литературы начала прошлого столетия. Проза Б.К. Зайцева в этом плане – с одной стороны, благодатный материал для исследования жизненных и творческих стратегий автора эпохи Серебряного века (в связи с автобиографичностью, лиричностью, субъективностью его повествовательной манеры). С другой – сложность и неоднозначность идейно-эстетических поисков этого писателя, его принадлежность двум пространствам (дореволюционной России и русскому Зарубежью) проблематизируют вопросы о творческой эволюции писателя, о природе его художественного метода.

Принцип «женоцентризма» зайцевской прозы, на который указывает автор исследования (с. 8) позволяет, на наш взгляд, говорить не только об основном векторе развития философско-мировоззренческих взглядов писателя, но и о том, что этот принцип является структурирующим для художественных системы писателя. Этим определяется и **новизна** научного исследования – это системное изучение женских персонажей в прозе Бориса Зайцева, способов их создания, номинации, функционирования и семиотизации, что в итоге позволяет выйти на более крупную проблему специфики художественного творчества писателя в целом.

В связи с этим вынесение в заголовок работы только слова «семантика» может быть отнесено к области научной и человеческой скромности диссертанта, так как на самом деле работа разрешает

вопросы не только семантики, но функционирования женской характерологии, а реконструированные М.Л. Вилесовой способы создания женских образов, несомненно, приводят к вопросам о художественном методе и творческой эволюции Зайцева, о специфике отношений «автор – герой» в его прозе, что и определяет **теоретическую значимость** работы.

Практическая значимость исследования обеспечивается тем, что результаты работы могут быть использованы в преподавании ряда специальных филологических дисциплин, таких как: история русской литературы XX века, история литературы русской эмиграции, а также – в более широком спектре – в решении задач культурологии, художественной антропологии и герменевтики.

Заслуживает внимания и объем рассмотренного М.Л. Вилесовой эмпирического материала: от первых рассказов писателя («Тихие зори», «Полковник Розов») – до крупных романов 1930-1940-х гг. («Домик в Пасси», «Путешествие Глеба»). Категория Женственного в ранней прозе Б.К. Зайцева обоснованно рассматривается в контексте поисков русской религиозной философии начала XX века, прежде всего в связи с философией всеединства В.С. Соловьёва и метафизикой пола и эроса Н.А. Бердяева. Все это обеспечивает **достоверность** полученных автором результатов и высокую степень их **научной обоснованности**.

Логично и структурировано, семиотически содержательно прослеживается Мариной Леонидовной в работе динамика в изображении женских образов: это движение от языческой, пантеистически окрашенной женской образности, обладающей признаками телесности, чувственности и материальности в раннем творчестве – к более усложненному, психологически амбивалентному показу женского характера в реалистической прозе позднего периода.

Однако разрешение вопроса о серьезном влиянии на художественную систему Б.К. Зайцева философии Вечной Женственности Вл. Соловьёва предстает в диссертационном исследовании иногда прямолинейно и однозначно. Так, говоря о том, что любовь в рассказе «Молодые» изображается как «физическое притяжение» (с. 38), диссертантка апеллирует к идее философа о половой любви, которой придавалось действительно «исключительное

значение» (статья «Смысл любви»), но подчеркнем – как промежуточному звену на пути к созданию нового мира и нового человека.

Любовь в софийной философии Вл. Соловьева изначально носила амбивалентные смыслы: Душа мира представляла в двух ипостасях, закрепленных через оппозиции дневная/ночная, богородичная /блудная (у А. Блока – «астартинское» начало). Сверхзадачей всеединства было преодоление «темных» (плотских) сторон и устремленность к воплощению духовной сути бытия («обожженная» телесность).

В ранних рассказах, по нашему мнению, воплощается лишь одна половина соловьевского образа Вечноженственного. Образ «темной Девы» явлен у Зайцева, очевидно, в «Аграфене», а затем в «Лине», где и показан путь изживания плотской страсти – в любовь Божественную. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением, что «в «Аграфене» происходит отход от идеалов соловьевства» (с. 48). Скорее, путь, который совершает героиня, вполне воплощает движение к идеалу по Соловьеву: от греха – к выстраданной добродетели и духовному очищению.

Как показано в исследовании М.Л. Вилесовой, соловьевская идея сквозной нитью прошивает всё творчество Зайцева: это и пародия на соловьевство, декаданс и младосимволизм (сб. «Земная печаль»), и вновь глубокое осмыслении его идей, но уже на новом витке творчества («Дом в Пасси», «Путешествие Глеба»). Все это дает возможность говорить о художественной системе Б. Зайцева как некоем едином тексте, одним из доминантных принципов которого является категория Вечноженственного.

Последовательность глав и параграфов диссертационной работы не только позволяет в историко-литературном контексте выстроить смену женских образов в прозе Б.К. Зайцева, но и органично вписывает его поиски в общий пестрый фон тяжелой русской действительности послереволюционной поры. Женская образность включается диссертантом в разные исследовательские ракурсы: пространственные – выстраиваются оппозиции «дом/бездомье» (параграф 2.2, в котором доказывается нетрадиционная содержательная наполняемость у Зайцева этих категорий, а затем исследуется аксиологическая переоценка этой наполняемости);

онамопозитические – трактовка имен Аграфена, Лисичка, Кассандра и др.; культурологические – осмыслиется оппозиция аполлонизм/дионисийство в романе «Золотой узор»; мифопоэтические и др. В итоге, в научной работе М.Л. Вилесовой постепенно вырисовывается основная, на наш взгляд, обладающая синергетической природой, идея научного исследования – женские образы в прозе Зайцева воплощают «идею нелинейного преобразования и самоопределения личности» (с.117), добавим – личности и самого писателя.

Среди множества интересных текстовых находок и обобщений, особо удачным нам представляется параграф 2.1 «Полисемантика образа главной героини романа «Золотой узор». Диссертантка доказывает, что при всем внимании Б.К. Зайцева в этот период своего творчества к агиографическим сюжетам, этот первый эмигрантский роман строится на иных основаниях: античная смысловая парадигма и мифологическая линия сюжета задают основные векторы для истолкования текста. Образ главной героини Натальи Николаевны изучается с помощью вегетативного кода (через прохождение ею циклических стадий умирания и воскресения), воплощает идею бесконечного внутреннего развития. При этом в контексте вопроса о динамике художественного метода Зайцева это воссоздает его поиски в раннем творчестве. Означает ли это, на Ваш взгляд, что творческая система Зайцева *в принципе не эволюционировала*? Можно ли говорить не об эволюции, а о разном осмыслении писателем в разные периоды его жизни одних и тех же идей – пантеизма, язычества, соловьевства, христианской аксиологии – составляющих уникальность его мировидения в целом? И потребует ли корректировки устоявшееся, как Вы пишете во введении, мнение литературоведов о том, что мировоззренческое развитие Зайцева шло от пантеизма – к христианству (с.6)? И соотносится ли это с утверждением в заключении о «синтетической, циклической природе его творческой системы» (с. 171)?

В диссертации не раз отмечалось, что Б. Зайцев отходит от традиционного типологизирования в изображении женских образов. С этим справедливым утверждением нельзя не согласиться, однако

причины этого не названы (более частный вопрос – почему архетип матери практически не востребован в прозе писателя?).

Данные вопросы носят дискуссионный характер и вызваны глубиной и сложностью поставленных в диссертации проблем, теми аналитическими результатами, какие представлены в процессе изучения художественной персонологии Бориса Зайцева.

Цель работы успешно достигнута, поставленные диссертантом задачи убедительно решены. Автореферат адекватно отражает общее содержание, структуру и результаты диссертационного исследования М.Л. Вилесовой. Список и характер публикаций соответствуют нормам и стандартам, предъявляемым к кандидатским диссертациям филологического профиля.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Семантика женских образов в прозе Б.К. Зайцева» представляет собой законченную научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи исследования семантики женских образов в прозе Б.К. Зайцева, имеющей значение для современного литературоведения в области истории русской литературы, культурно-исторической антропологии, проблем художественного метода и его эволюции. Диссертация соответствует требованиям, изложенным в п. 9-11 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор, Вилесова Марина Леонидовна, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Официальный оппонент
 доктор филологических наук
 по специальности 10.10.01 – Русская
 литература, доцент,
 зав. кафедрой литературы
 Алтайского государственного
 педагогического университета _____ Елена Анатольевна
 Худенко